

Акимова М.С.*

«Дачный топос» в творчестве Марины Цветаевой

*Акимова Мария Сергеевна, с.н.с. ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, к.ф.н.

Россия, 124482, г. Москва, Зеленоград, корп. 301а, кв. 176.

Тел.: 8 929 575 90 60

Электронная почта: makanja@list.ru

«Suburban topos» in the works of Marina Tsvetaeva

Akimova Maria, candidate of Philology, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Статья «"Дачный топос" в творчестве Марины Цветаевой» рассматривает биографию и творчество М.И. Цветаевой в их соотношении с реальными дачными локусами. Усадьба и дача сыграли в жизни и творчестве поэтессы большую, во многом определяющую роль, представая в самых разных ипостасях: от locus amoenus (места гармонии и радостного приятия) Тарусы и Коктебеля до locus mortis (места гибели) Болшева. Исследование данной темы предполагает переход от конкретно-фактического накопления материала к теоретико-методологическому осмыслению способов вхождения биографического континуума в мир литературного произведения.

The article «"Country topos" in the works of Marina Tsvetaeva» examines the biography and work of M. Tsvetaeva in their relationship with the real country loci. The estate and the dacha played a large, decisive role in the life and work of the poet appearing in a variety of guises: from locus amoenus (place of harmony and joyful acceptance) Tarusa and Koktebel to locus mortis (place of death) Bolshevo. The study of this topic involves the transition from concrete-actual accumulation of material to theoretical and methodological understanding of ways of entering the biographical continuum in the world of literary works.

Ключевые слова: Цветаева, Таруса, Коктебель, Болшево, Александров, «дачный топос», литературное краеведение, русская литература

Key words: Tsvetaeva, Tarusa, Koktebel, Bolshevo, Alexandrov, «country topos», a literary study of local history, Russian literature

«Таруса... Коктебель да чешские деревни — вот места моей души.

По ним соберете» (М. Цветаева)

В последние годы в гуманитарной науке растет интерес к исследованиям отдельных конкретных аспектов действительности; к непривычным научным ракурсам, которые, оперируя известными фактами, по-новому раскрывают явление или личность. В данной статье предпринята попытка осветить жизненный путь М. Цветаевой через ее «дачную биографию», рассмотреть биографию и творчество в их соотношении с реальными дачными локусами.

В «дачном тексте» наблюдается парадоксальность: если документальное свидетельство, как правило, фиксирует дачную идиллию, то традиция художественного описания дачной культуры иронична или скептически, иллюстрируя противопоставленность и даже враждебность дачной культуры к усадебной [14]. Однако это правило иногда требует корректировки. Так, в творчестве М. Цветаевой ранние дачные впечатления накладываются на детские, светлые воспоминания и сливаются в беспримесно радостный образ «доброе, старого, детского времени»: «О, дни, где утро было рай / И полдень рай и все закаты! / Где были шпагами лопаты / И замком царственным сарай...», «Почему не маленькие мы? / Почернела дождевая кадка, / Вензеля на рубчатой коре, / Заросла крокетная площадка, / Заросли тропинки на дворе...»; «Детство, верни нам, верни / Все разноцветные бусы, — / Маленькой, мирной Тарусы / Летние дни». Два образа-символа детства — мать и Таруса — сливаются воедино в стихотворении с характерным названием «Мама на даче», где светлое воспоминание дано через призму горького знания скорой потери этого рая (нимб-венки над головой, облако, оплакивающее судьбу). «Ясные дни — светлые вечера — детство... — неторопливо идущее время — как хорошо это было, каким маленьким земным раем это предстает мне теперь» [17, с. 47].

«Таруса. Маленький городок на холмах, поросших березами, на левом берегу Оки. Яблочные и ягодные сады. Собор на площади (там же бывает ярмарка) и красная с белым Воскресенская церковь — на крутом холме. Это — на полпути к даче, где мы живем; на холме, пониже, часовенка, точь-в-точь как на картине “Над вечным покоем”» [17, с. 43]. По утверждению А. Эфрон, дочери М. Цветаевой, «именно здесь она узнала Россию, сделавшую её навсегда русским поэтом» [23]. Расчет И.В. Цветаева был верен: ежегодное пребывание в одном месте было полезным для детской души: «Пусть дети, пока малы, проводят лето в одной и той же сельской обстановке, благо она здесь так прекрасна» [23]. Навсегда остались в памяти «клеенка стола, белые чашки с голубым ободком, кувшины сирени, жасмина, сливки, самовар, уют. Гудки парохода. Деревья, грибы, купанье, грозы. Жара. И деревья, деревья... <...> счастье вернуться домой, в наше лесное гнездо, так странно звавшееся “дачей”, в музыку, пение, сирень

и жасмин, в тополя, ивы, березы, в уже расцветшие над ними звезды» [17, с. 45, 62]. «Полноценнее, счастливее детства, чем наше в Тарусе, я не знаю и не могу вообразить...» [17, с. 45], — писала А. Цветаева. Марина и Ася росли «как трава», целыми днями бегали по округе, собирали ягоды, купались, ставили спектакли, ходили в гости. Благо, здесь жили родственные и дружественные семейства. За рекой — Поленовы, а вблизи, в Тарусе, — художник К. Некрасов, семья Виноградовых, «Тьо» (С.Д. Мейн) — супруга дедушки, А. Мейна, и Добротворские. С Добротворских и начался цветаевский период в Тарусе. Ариадна писала: «Дед мой И.В. Цветаев, в конце прошлого столетия приехавший навестить родственников семью земского врача Добротворского, — с первого взгляда полюбил Тарусу и любовь эту передал всем своим близким; год за годом проводили здесь Цветаевы летнее время в небольшом сейчас разваливающемся на территории дома отдыха имени Куйбышева — домике; в нём умерла моя бабушка, чудесная музыкантша М.А. Мейн; в нём провёл последний год жизни лиричнейший из художников Борисов-Мусатов; а после Цветаевых там же жила памятная Тарусе семья Вульфов, учёных и музыкантов. Многие места в Тарусе связаны с семьёй Цветаевых: от больницы, где работало не одно поколение врачей Добротворских, до городского садика, заложенного, как рассказывали мне старшие, братом моего деда, историком Дм. Ив. Цветаевым» [23].

Дача, снятая в долгосрочную аренду в год рождения Марины, находилась «в двух верстах от города, совсем одна, в лесу, на высоком берегу Оки, — с такими березами...» («Музей Александра III») [18, с. 161]. А. Цветаева вспоминала «простой серый дощатый дом под ржавой железной крышей. Лесенка с нижнего балкона сходит прямо в сирень. <...> влево грядки, за ними — малина, смородина и крыжовник, за домом крокетная площадка. Две террасы (одна над другой, столбиком); <...> качели между четырех орешников, носящих наши четыре имени: Лёра, Андрюша, Муся и Ася» [17, с. 44]. С балкона открывались заокские дали (балкон и дали сохранились на рисунке Борисова-Мусатова). «Внизу, под дачей, — пески, Ока, луг. Позади дачи — “большая дорога” — молодым леском выход в поле. Справа от дачи, если лицом к Оке, — “старый сад” — поляны одичалых кислейших яблок» [17, с. 48]. Этот сад всплывет и в поэзии М. Цветаевой: «Старый сад шумит за старым домом...», отразив осязаемую и важную для поэта старину. М. Цветаева писала: «город Таруса, Калужской губернии. Дача “Песочное” (старый барский дом исчезнувшего имения, пошедший под дачу)» («Музей Александра III») [18, с. 161]. Коллизия «Вишневого сада» — превращение усадеб в дачи — на рубеже веков постепенно набирала обороты. Со слов лодочника А. Эфрон записывает, что «Цветаевы были, можно сказать, первые дачники в Тарусе; где теперь дом отдыха, так то была вся их территория. И ведь вот как бывало — уедут они на зиму, все вещи оставят, сундуки, сервизы, замочек повесят — и всё. И хоть бы раз кто забрался и набедокурил — нет, всё всегда бывало в

порядке» [2, с. 355]. И «дачный ореол» местности остался: после Цветаевых в Тарусе жило немало интересных людей: В. Ватагин, Н. Заболоцкий, К. Паустовский, В. Железников, Б. Ахмадулина и Б. Мессерер. Они приезжали сюда почти каждое лето, а некоторые оставались и зимовать.

Сквозь призму Тарусы сестры Цветаевы будут воспринимать многие последующие события их жизни («стройные стволы Петровского парка напоминают Тарусу» [17, с. 27]), мысленно будут возвращаться в летний земной рай — и в череде переездов из страны в страну в связи с болезнью матери, и много позже: «одна, почти нищенствуя в эмиграции, другая — в лагерях и ссылках» [22]. Этот «рай» стал местом упокоения Ариадны Эфрон и Валерии Цветаевой (сводной сестры М. и А. Цветаевых). Сама М. Цветаева мечтала обрести здесь последний покой. Тоскуя в эмиграции, она написала: «Я хотела бы лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растет самая красная и крупная в тех местах земляника. Но, если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уж нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов <...> поставили с тарусской каменоломни камень “Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева”» («Хлыстовки») [19, т. 5, с. 97]. Завещание поэта исполнилось только 9 октября 1988 г.

Были и нелюбимые дачи. В 1907 г. сестры Цветаевы посетили имение сводного деда, историка Д.И. Иловайского «Спасское». Имение Спасское (дом с постройками, пруд и 300 десятин земли) было куплено Иловайским в 1899 г. По воспоминаниям, главный дом был одноэтажный деревянный, вытянутый в длину, с мансардой, с шестью большими окнами в белых наличниках. Также в имении находились: флигель, скотный двор, изба, конюшня и каретный сарай, крытый железом, жилая изба, молочная изба, рига, изба в лесу, амбар для хлеба, два сенных сарая, сарай для орудий [13, с. 82-96]; [3].

Встреча эта не была счастливой: только что потерявшие мать, дети прибыли в дом, где недавно потеряли детей. Сережа и Надя — дети от второго брака Иловайского — были друзьями сестер. «<...> мы узнали о смерти — от чахотки — Нади и Сережи Иловайских. <...> С виду цветущие, красивые, милые, любимые всеми. Позднее мы слышали, что мать их, Александра Александровна, в отчаянии похоронив их и заболев той же болезнью, вернулась в сырое имение Иловайских в Крюкове и безвыездно заперлась в нем, оплакивая детей» [17, с. 145]. Позже Марина Ивановна напишет в очерке «Дом у старого Пимена»: «Сидим <...> мать без детей — с детьми без матери» [18, с. 130]. «Мы с Асей — в Спасском, именуемом также Крюковым, по названию станции Николаевской железной дороги. В детстве нам это невиданное Крюково мнилось крюком, железным крюком старьевщика, а то и клюкой, Ягой, значит опять-таки — старостью. Со станции ехали на линейке, вещи без будущего и прошлого: вдоль событий, — мимо черных елей, мягко-колючими мокрыми лапами задевающих по лицу,

как кропилом. Разлатое здание, поданное как на ладони болотистой равниной. В дом — цветником: тем, что им было, тем, что им больше не будет. Внутри тишина. Старина. Чувствую, что комнаты здесь живут одни, *продолжают*, не замечая, что половины семьи уже нет. Не замечая и оставшейся половины. Так что выход А. А., откуда-то сбоку, <...> а за ней и Д. И. <...> скорей... неожиданен, скорей... нарушителен. Мы никогда не узнаем, насколько комнаты старых домов, которые мы, не замечая, минуем — нас не замечают, нас, как волны старого моря, минуют — в *своем* продвижении. <...> Сидим с Асей как на гвоздях, а потом уж как пригвождённые...» [18, с. 128-129].

Воспоминания Цветаевой о пребывании в Спасском и об Иловайском нуждаются в комментарии как интересный пример субъективного текста. Описание места и людей лишь отчасти соотносимы с действительностью. Когда А. Цветаева услышала, что Валерия Цветаева назвала цветаевский «Дом у Старого Пимена» пасквилом, то живо согласилась: «Правильно! Почему Марина писала, не зная?..» [6, с. 11]. Цветаева была принципиально близорука. Она допускала ошибки, потому что «воскрешала прошлое» через много лет, и потому, что такова была особенность ее восприятия событий: «Я всё помню эмоционально и почти ничего не помню достоверного <...> Это *жизнь* мне мстит за мои глаза, ничего не видящие и не хотящие видеть, видящие свое» (В.Н. Буниной 26 августа 1933 г) [19, т. 7, с. 250]. Когда Цветаевой предложили носить очки, она отказалась: «Не хочу. Потому что я уже сама себе составила представление о людях и хочу видеть их такими, а не такими, каковы они на самом деле» [11, с. 96]. Поэтому справедливо мнение близких, знающих людей, например, А. Цветаевой: «Нельзя к произведениям Марины относиться как к документу. <...> Она писала только то, что ей интересно, от остального — отворачивалась, не думая, что это обидит человека» [6, с. 83]; «с былью она не считалась, создавая свою» [17, с. 62]. «Общепринятое было ей чуждо, уже тогда у нее были особые отношения с миром, в которых явь так тесно сплеталась с фантазией, что невозможно было их отличить <...> Не смея и не желая спрашивать, Марина заполняла непонятные места, отдаваясь собственной фантазии [24]. Цветаева слабо возражала, например, в письмах к В. Буниной (21 и 24 августа 1933): «Обожаю легенду, *ненавижу* неточности» [19, т. 7, с. 246]; «Я, конечно, многое, ВСЁ, по природе своей, иносказую, но думаю — и это жизнь. *Фактов* я не трогаю никогда, я их только — толкую. Так я писала все свои большие вещи» [19, т. 7, с. 247].

Счастливейшей дачей стала для Цветаевой дача Макса Волошина в Коктебеле. В прекрасном, фактически, некрологе, парадоксально названном «Живое о живом» (1932), Цветаева благодарит Волошина за дары, которые она получила, когда «пятого мая 1911 года <...> впервые вступила на коктебельскую землю» [19, т. 7, с. 181-182]. В частности, за дар общения. «Одно из жизненных призваний Макса было сводить людей, творить встречи и

судьбы <...> К его собственному определению себя как коробейника идей могу прибавить и коробейника друзей <...> Он и в свой коктебельский дом, таким трудом добытый, так выколоченный, такой заслуженный, такой *его* по духовному праву, кровный, внутренне свой, как бы с ним сорожденный, похожий на него больше, чем его гипсовый слепок, — не ощущал своим, физически своим» [19, т. 4, с. 178-179]. «Волошин не только творил сам, но и создавал условия для творчества и отдыха выдающихся личностей. В его доме постоянно устраивались поэтические вечера, театральные постановки, пленэры. Практически с самого возникновения Дом Поэта в Коктебеле стал известен как центр мысли европейского уровня. Постоянными гостями здесь были <...> яркие представители творческой и научной интеллигенции» [5]. И многие вспоминали «неизменную плавность всей жизненной, даже житейской системы. Плавность быта» [15] Волошина, распространяющуюся и на «его мирную мифическую дачу» [19, т. 4, с. 199]. «Макс принадлежал другому закону, чем человеческому, и мы, попадая в его орбиту, неизменно попадали в его закон. Макс сам был планета. И мы, крутившиеся вокруг него, в каком-то другом, большем круге, крутились совместно с ним вокруг светила, которого мы не знали» [19, т. 4, с. 191]. Эта плавность, бытийность быта «всего оборотника» [15] ощущается в поэтических текстах Волошина: «Чуть свет, Андрей приносит из деревни / Для кофе хлеб. Потом выходит Пра / И варит молоко, ярясь с утра / И с солнцем становясь к полудню гневней. / Все спят еще, а Макс в одежде древней / Стучится в двери и кричит: “Пора!” / Рассказывает сон сестре сестра, / И тухнет самовар, урча напевней. / Марина спит и видит вздор во сне...» («Сонеты о Коктебеле. Утро»). Этот быт зафиксирован и Цветаевой: «На вышке башни, широкой площадке с перилами, днем, по завистливому выражению дачников, “поклонялись солнцу”, то есть попросту лежали в купальных костюмах, мужчины и дамы отдельно, а по ночам, в той же передаче дачников, “поклонялись луне”, то есть беседовали и читали стихи» [19, т. 4, с. 201]. В воспоминаниях о даче Волошина остро ощущается противопоставление своего и чужого, своего дачного мира и дачного мира чужого. «Взлобье горы <...> каменный профиль, уходящий в море. Максин профиль. Так его и звали. Чужие дачники, впрочем, попробовали было приписать этот профиль Пушкину, но ничего не вышло» [19, т. 4, с. 193-194]. Это была сила притяжения окружающего мира к М. Волошину, сила присвоения: «Киммерия. Земля входа в Аид Орфея. Когда Макс, полдневными походами, рассказывал мне о земле, по которой мы идем, мне казалось, что рядом со мной идет — даже не Геродот, ибо Геродот рассказывал по слухам, шедший же рядом повествовал, как свой и своим» [19, т. 4, с. 195].

Крымская земля сыграла в судьбе Цветаевой решающую роль. «Крым, — вспоминала Ариадна Эфрон, — не меньше, чем Таруса, вторая колыбель маминого творчества и, пожалуй, последнее её счастье. Больше никогда и нигде не видела я ее счастливой, свободной и

беззаботной. Тот Крым она искала везде и всюду — всю жизнь» [16]. Гостя у Волошина, она не только по-новому раскрывает свои поэтические способности, обретает верных друзей, но и встречает свою любовь: здесь в 1911 г. она знакомится со своим будущим мужем Сергеем Эфроном. «Это лето было лучшее из всех моих взрослых лет, и им я обязана тебе» [19, т. 6, с. 48], — напишет Цветаева в письме Волошину. И 10 лет спустя, 17 августа 1921 г., в письме к его матери, «Пра», повторит: «Коктебель 1911 г. — счастливейший год моей жизни, никаким российским заревам не затмить того сияния» [19, т. 6, с. 81]. Может быть, есть метафизическая связь между тарусским и коктебельским счастьем. Вот она в «кофте, похожей по фасону на матроску, камушки, которые так любили собирать сестры по берегу Оки, шагая из Песочного в Тарусу» [23] — и вот она в матроске стоит на фотографии на веранде в Коктебеле вместе с С. Эфроном. А рядом — знаменитый пляж «Сердоликовая бухта», где можно было найти редкие красивые полудрагоценные камни. Цветаева сказала Волошину: «Макс, я выйду замуж за того, кто угадает, какой мой любимый камень» [10, с. 75]. «Они встретились — семнадцатилетний и восемнадцатилетняя — 5 мая 1911 года на пустынном, усеянном мелкой галькой коктебельском, волошинском берегу. Она собирала камешки, он стал помогать ей — красивый грустной и кроткой красотой юноша, почти мальчик (впрочем, ей он показался веселым, точнее: радостным!) — с поразительными, огромными, в пол-лица, глазами; заглянув в них и все прочтя наперед, Марина загадала: если он найдет и подарит мне сердолик, я выйду за него замуж! Конечно, сердолик этот он нашел тотчас же, на ощупь, ибо не отрывал своих серых глаз от ее зеленых, — и вложил ей его в ладонь, розовый, изнутри освещенный, крупный камень, который она хранила всю жизнь, который чудом уцелел и по сей день» [2, с. 74]. Цветаева и члены ее семьи будут навещать Крым в 1910-е гг. еще несколько раз. Потом он станет ареной кровавых событий. А пока «Марина была счастлива с её удивительным мужем, с её изумительной маленькой дочкой — в те предвоенные годы» [17, с. 430].

В Коктебеле состоялась и первая встреча с О. Мандельштамом. Позже, в июне 1916 г., он посетит М. Цветаеву на даче в Александрове. Она поведет его гулять на свое любимое место — старинное городское кладбище: «Не веря воскресенья чуду, / На кладбище гуляли мы...» (О. Мандельштам). Цветаева жила здесь у сестры. Второй муж Анастасии, М.А. Минц, военный инженер-химик, был направлен в Александров на строительство военного завода. В доме на Миллионной (Военной) улице А. Цветаева провела около 1,5 лет (с осени 1915 по лето 1917 г.). Часто гостившая в Александрове Марина написала здесь циклы «К Ахматовой», «Стихи о Москве» и другие, в том числе и такие шедевры, как «Мне нравится, что вы больны не мной» (М. Минцу), «Красною кистью рябина зажглась...», «Руки даны мне, — протягивать каждому обе...». Александровский период, очень плодотворный (в период с 22 июня по 8 июля

Цветаева создала здесь 15 стихотворений), вошел в историю литературы как «Александровское лето Марины Цветаевой» (А. Саакянц).

В трагической судьбе Цветаевой это была счастливая передышка перед последующими испытаниями, последнее благополучное время в жизни семьи. Именно здесь в 1916 г. в последний раз встретились все члены семьи сестер Цветаевых, свидетельство чего — совместная фотография: Марина и Анастасия, их мужья С. Эфрон и М. Минц, а также дети Ариадна Эфрон и Андрей Трухачев. Далее будет революция и гражданская война, эмиграция. А затем возвращение — на печально знаменитую «большевскую дачу».

Дача по адресу ст. Болшево, ул. «Новый быт», д. 4/33 (ныне: Королёв, ул. М. Цветаевой, 15), построенная в 1933 г. для сотрудников Экспортлеса Наркомвнешторга, фактически являлась дачей НКВД. Дом несколько лет занимал председатель Экспортлеса, член коллегии НКВД, Б.И. Краевский (1888-1938) с женой и сыном. 28 мая 1937 г. он был арестован, а 10 мая 1938 г. расстрелян за контрреволюционную деятельность. В феврале 1938 г., как член семьи изменника родины, была арестована и приговорена к 5 годам ИТЛ. Далее большевским домом с плохой историей начинает распоряжаться НКВД. На освободившуюся площадь в 1938 г. НКВД поселяет своих сотрудников: вернувшихся в Союз в 1937 г. С. Я. Андреева (Эфрона) с дочерью Ариадной и семью Львовых (Клепининых). Дом был поделен симметрично: каждой семье достались по веранде и по две комнаты. В центре дома была общая для всех гостиная (столовая).

Цветаева приезжает в Болшево 19 июня 1939 г., после 17 лет эмиграции, вместе с сыном, и проживет здесь 5 месяцев.

На этой даче в последний раз встретилась, очень ненадолго, семья Цветаевой. «Почти для всех жителей злополучной дачи это будет последним отдыхом, последней отсрочкой до погружения во тьму...» [12, с. 309].

Возвратилась Марина без особых опасений: в письме Берии она пишет, что при выдаче ей разрешения ей было устно передано, что никогда никаких препятствий к ее возвращению не имелось (см. письмо Л.П. Берии от 23 декабря 1939 г.) [19, т. 7, с. 660]. В том же письме она вспоминает: «Когда я 19-го июня 1939 г., после почти двухлетней разлуки, вошла на дачу в Болшево и его увидела — я увидела больного человека. <...> Тяжелая сердечная болезнь, обнаружившаяся через полгода по приезде в Союз — вегетативный невроз. <...> Но с нашим приездом он ожил» [19, т. 7, с. 663]. Как жили — об этом есть краткие воспоминания ее соседей по этой «коммунальной даче» — тех, кто выжил. Внешне всё могло показаться благополучным — как видели это дети: «удивительная жизнь, какая-то нереальная; мне она тогда казалась, скорее, приятной» [12, с. 308]; Г. Эфрон вспоминал дачу в Болшеве «со сложным чувством кисло-сладкой трагичности» [26]. Общие вечера у камина в общей гостиной, общие игры

детей. «Сергей Яковлевич был очень светлоглазый, с добрыми глазами, смуглолицый. Он занимался воспитанием Мура. Тот был полным мальчиком. И Сергей Яковлевич следил за тем, чтобы Мур пробежал несколько раз по территории дачи. Хорошо помню, когда мы, молодежь, собрались на террасе, Сергей Яковлевич предложил: “Давайте, разыграем театральный сюжет. Представьте, что кто-то залез к вам в карман”. И мы все, кто как мог, разыгрывали эту сцену» [4, с. 267].

Временами открывала двери дачи и души и Цветаева: «она читала стихи и на эти чтения нас не только допускала, но даже приглашала» [12, с. 307]. Но чаще она жила в усиливающемся разладе с действительностью. Писатель и переводчик Д. Сеземан, тогда еще совсем молодой человек, вспоминает жилье на «коммунальной даче»: «Появление Марины Ивановны внесло не только в ее семью, но и в нашу <...> высокий градус напряженности. <...> Я видел человека, совершенно не приспособленного для общежития в прямом смысле слова, то есть для сосуществования с себе подобными» [12, с. 306].

Жившая в этом же доме С. Клепинина, дочь Н.А. Клепинина-Львова, вспоминает то же: «Марина Ивановна довольно редко выходила из своей комнаты и <...> производила впечатление полной отстраненности от всего, что ее окружало» [8, с. 254]. К замкнутому характеру примешивались и тяжелые внешние обстоятельства: «в этот период уже давно шли аресты людей, приехавших из-за границы (да и очень многих “заграницы” в глаза не видевших), всё это отнюдь не было секретом ни для кого <...> каждого из них в любой день это могло коснуться <...> не только знали — ждали этого. <...> Люди <...> тогда жили страшной жизнью, полной потерь (всяческих — потерь надежд и иллюзий, потерь родных, близких и дальних людей, потерь веры и устойчивости жизни и т.д.). И потому, скорее всего, были в то время не такими, как обычно» [8, с. 254, 257].

И ещё: «Все понимали, что стихийное это бедствие, как лавина, может захватить каждого, оказавшегося на её пути. <...> Ждали каждую ночь, хотя днем старались делать вид, что всё в жизни идёт, как надо. Можете Вы себе представить ту атмосферу тревоги, напряженности, страха, которую тщательно пытались замаскировать деловитостью, серьезностью, занятостью? <...> Легче всех срывалась Марина Ивановна. Я думаю, нет, неправда, я знаю, что первая полоса отчуждения между Муром и ею пролегла именно тогда — летом 1939-го» [7, с. 262].

«Что-то очень сиротливое, холодное, неуютное...» [8, с. 255] вокруг нее и в ней нарастало. «То время было началом самого страшного и трудного периода ее и без того нелегкой жизни <...> скорее всего — то было время начала ее конца... Многое сплеталось (и, как оказалось, — трагически сплеталось) в ее судьбе: встреча с Родиной и тяжесть этой встречи, прямо скажем, неласковой (в неподходящее время вернулась она в Россию)» [8, с. 254].

В письме к Берии она ведет горький счет утратам: «И — 27-го августа — арест дочери. <...> А вслед за дочерью арестовали — 10-го Октября 1939 г., ровно два года после его отъезда в Союз, день в день, — и моего мужа, совершенно больного и истерзанного ее бедой <...> 7-го ноября было арестовано

на той же даче семейство Львовых, наших сожителей, и мы с сыном оказались совсем одни, в запечатанной даче, без дров, в страшной тоске» [19, т. 7, с. 663]. Не имея возможности публиковать свои произведения, Цветаева работала над поэтическими переводами (среди которых переводы поэзии Лермонтова на французский язык), составившими знаменитую «Болшевскую тетрадь». Пишет в НКВД, пытаюсь спасти мужа и дочь. Кроме этого — мало что пишет.

Подробности и дальнейшие перипетии в своей судьбе, в судьбе «нехорошей дачи» («болшевской жилплощади») она опишет в письме к П.А. Павленко (27 августа 1940 г.): «<...> доживали, топили хворостом, который собирали в саду. <...> На даче стало всячески нестерпимо, мы просто замерзали, и 10-го ноября, заперев дачу на ключ <...> мы с сыном уехали в Москву к родственнице, где месяц ночевали в передней без окна на сундуках, а днем бродили, потому что наша родственница давала уроки дикции и мы ей мешали. <...> к концу марта, воспользовавшись первым теплом, я проехала к себе в Болшево (где у меня оставалось полное хозяйство, книги и мебель) — посмотреть — как там, и обнаружила, что дача взломана и в моих комнатах (двух, одной — 19 метров, другой — 7-ми метров) поселился начальник местного поселкового совета. Тогда я обратилась в НКВД и совместно с сотрудниками вторично приехала на дачу, но когда мы приехали, оказалось, что один из взломщиков — а именно начальник милиции — удавился, и мы застали его гроб и его — в гробу. Вся моя утварь исчезла, уцелели только книги, а мебелью взломщики до сих пор пользуются, потому что мне некуда ее взять. <...> дача отошла к Экспортлесу, вообще она и в мою бытность была какая-то спорная, неизвестно — чья, теперь ее по суду получил Экспортлес. Так кончилась моя болшевская жилплощадь» [19, т. 7, с. 699-700]. Цветаева осталась одна, «в отчаянном положении. <...> с сыном <...> буквально на улице, со всеми вещами и книгами. <...> меня жизнь за этот год — добила. Исхода не вижу. Взываю к помощи» [19, т. 7, с. 700].

Удивительна метафизичность болшевской дачи, ощущаемая и сегодня. Д. Сеземан вспоминает, что до их приезда дача принадлежала партийному и профсоюзному деятелю М.П. Томскому, покончившему самоубийством из-за обвинений в контрреволюционной деятельности; «потом пришли славные чекисты и увели Алю, увели Сережу, увели Николая Андреевича, увели маму...» [12, с. 308]; затем самоубийство нового жильца. По иронии судьбы, дача находилась в поселке «с дурацким названием “Новый быт”» [7, с. 259] (вспомним славянскому уху говорящие названия чешских «цветаевских» деревень «Мокропсы» и «Вшеноры»). И в полном соответствии с этим бытом и новым бытием «дача, хоть и просторная, была все-таки коммунальной» [12, с. 306]; «гостиная и кухня были общими» [7, с. 259]. Общая судьба была предуготовлена и семьям, оказавшимся в заложниках на этой даче. Место соответствовало: в некоем удалении: «бревенчатый одноэтажный дом, нелепо вытянутый в

длину (параллельно улице), но стоящий в глубине участка, никак не обработанного и потому производящего впечатление просто отгороженного забором участка леса» [7, с. 259]; но одновременно близко с железной дорогой; как некое временное пристанище на дороге жизни: «Дом был бревенчатым, с двумя террасами по бокам, обращенный фасадом к железной дороге» [8, с. 252]. Тем более ощущалось это скорое «увезут...». И «деревянность» дачи после каменной Европы была скорее в тягость: «И отвычный деревянный пейзаж, отсутствие камня: устоя» [21].

Последним «дачным» пристанищем Цветаевой стала станция Голицыно — «Дом Писателей (всякий знает), и, *минуя* Дом Писателей, идите по *Коммунистическому проспекту* дальше, до самого конца, последний дом справа: дача Лисицыной, №24, открывайте калитку, проходите *куриный дворик*, открывайте *вторую калитку* — и левое крыльцо — наше (курсив мой — М.А.)» [19, т. 7, с. 699]. Это жилье, по просьбе Цветаевой, предоставил ей Литфонд, сроком на два месяца, с содержанием в Доме Отдыха. Но каждое слово в этом адресе горькой иронией говорит об отрезанности Цветаевой от жизни, о ее страшной неустроенности в этом коммунистическом обществе. И ее письмо к Павленко — только документальное подтверждение: «За комнату, кроме 2-х месяцев, мы платили сами — 250 р. в месяц, — маленькую, с фанерной перегородкой, не доходившей до верха. Мой сын, непривычный к такому климату, непрерывно болел, болела и я, к весне дойдя до кровохарканья. Жизнь была очень тяжелая и мрачная, с керосиновыми негорящими лампами, тасканьем воды с колодца и пробиваньем в нем льда, бесконечными черными ночами, вечными болезнями сына и вечными ночными страхами. Я всю зиму не спала, каждые полчаса вскакивая, думая (надеясь!), что уже утро. Слишком много было стекла (все эти стеклянные террасы), черноты и тоски. <...> Эта зима осталась у меня в памяти как полярная ночь. <...> Всю зиму я переводила» [19, т. 7, с. 699]. Только переводы, организованные друзьями, и спасали, ибо после ареста мужа она осталась совсем без средств и возможности их заработать. «Жизнь здесь. Холодно. Нет ни одного надежного человека (для души)» (Л.В. Веприцкой, «Голицыно, безвестный переулок, дом с тремя красными звездочками, 40 гр<адусов> мороза, 9-го января 1940 г.») [19, т. 7, с. 667]. Отсюда она, переживая большевскую трагедию, пишет письмо Берии 23 декабря 1939 г., и 14 июня 1940 г. — уже из Москвы.

Но всё было уже решено и предрешено. Клубок событий закрутился плотно и привел к трагедии последнего дня лета (!) 1941 г. Было ли здесь прямое вмешательство чужой злой воли, пока неясно, но ясно, что «разлад все усиливался; она понимала, что прошлое затоптано и его не вернуть, а веры в будущее, которая облегчила бы ей жизнь и оправдала испытания и несчастья, у нее не было» [25].

Усадьба и дача сыграли в жизни и творчестве поэтессы большую, во многом определяющую роль, представая в самых разных ипостасях: от *locus amoenus* (места гармонии и

радостного приятия) Тарусы и Коктебеля до locus mortis (места гибели) Болшева. Исследование данной темы предполагает переход от конкретно-фактического накопления материала к теоретико-методологическому осмыслению способов вхождения биографического континуума в мир литературного произведения.

Работа выполнена в ИМЛИ в рамках проекта РНФ № 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд» (рук. О.А. Богданова).

Литература

1. Александровский музей М. и А. Цветаевых. На странице: <http://alexandrovru.ru/Museums/tscvetaevyh.htm>
2. *Ариадна Эфрон* о Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. Сост., авт. вступ. ст. М.И. Белкина; Под ред. Н.Н. Глущенко; Коммент. Л. М. Турчинского. 2-е изд. Калининград: Калининградское кн. изд-во: Янтарный сказ, 2001. 650 с. На странице: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/vospominaniya/efron-ariadna-mat/ee-muzh-ego-semya.htm>
3. Вестник Андреевской СОШ. №1. 1998. На странице: http://andreevskaschool.my1.ru/index/vestnik_shkolnogo_muzeja/0-76
4. *Горошевская И.* Мне кажется, что я видела всех вчера. // Альманах «Болшево», № 2, 1992. М.: Писатель, 1992. С. 266-272.
5. Дом-музей М. Волошина. На странице: <https://godliteratury.ru/events/koktebel-otmetit-140-let-so-dnya-rozhdeni>
6. Иловайские и Цветаевы. / Сост., подгот. текста и коммент. Е.Ф. Жупиковой. М.: Новый хронограф, 2015. 246 с.
7. *Клепинина-Львова С.Н.* Письмо А.И. Цветаевой. 16 мая 1982 года. Волгоград. // Альманах «Болшево», № 2. М.: Писатель, 1992. С. 259-265.
8. *Клепинина-Львова С.Н.* «Тогда жили страшной жизнью». // Альманах «Болшево», № 2. М.: Писатель, 1992. С. 252-259.
9. *Корниенко С.Ю.* Ложные воспоминания в автометадискурсе М. Цветаевой («Живое о живом»). // Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин — Марина Цветаева. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 101-283.
10. *Кудрова И.* Марина Цветаева: беззаконная комета. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 864 с.
11. *Лосская В.К.* Марина Цветаева в жизни. М.: Культура и традиции, 1992. 354 с.

12. *Сеземан Д.В.* Из воспоминаний. Болшевская дача. // Марина Цветаева в воспоминаниях современников: мгновенный след / подгот. Л. А. Мнухиным. М.: Вагриус, 2006 (Ульяновск: Ульяновский Дом печати). 494 с.
13. Спасский храм в Андреевке: история храма и его прихода. М., 2017. 264 с.
14. *Стрельникова И.* О дореволюционных дачах и дачниках. На странице: <http://drug-gorod.ru/opisanie-lektsii-dachi-i-dachniki/>
15. *Фейнберг Л.Е.* Три лета в гостях у Максимилиана Волошина. На странице: <http://www.maxvoloshin.ru/?page=b4ef0300-7990-489c-9d70-aa15d8cd3d89&item=4c2e3b5f-de38-4383-acb6-4cd2d8c140cf&type=page>
16. Феодосийский музей М. и А. Цветаевых. На странице: http://tsvetayevs.org/publications/publications_17_3.htm
17. *Цветаева А.* Воспоминания. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной: Дом-музей Марины Цветаевой, 2014. 717 с.
18. *Цветаева М.* Автобиографическая проза. Дневниковые записи. Воспоминания о современниках. Эссе. Письма. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 768 с.
19. *Цветаева М.* Собрание сочинений. В 7 т. Сост. и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994.
20. Цветаева М.И. Жизнь и творчество. На странице: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/pisma/letter-50.htm>
21. Цветаева М.И. Наследие. На странице: <http://www.tsvetayeva.com>
22. Цветаевская дача в Тарусе. На странице: <https://traductora.livejournal.com/655540.html>
23. Цветаевы в Тарусе. На странице: <http://www.sch1262.ru/tarusa/cvetaeva.html>
24. *Швейцер В.* Марина Цветаева. Дом в Трехпрудном. На странице: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/biografiya/shvejcer-cvetaeva/dom-v-trehprudnom.htm>
25. Эфрон Г.С. к Гуревичу С.Д. от 8 января 1943 г. из Ташкента. На странице: http://tsvetayevs.org/publications/publications_17_3.htm
26. Дневники Г. Эфрона. Дневник N 7 8 июля 1940 года. На странице: <https://www.rulit.me/books/dnevnik-read-152373-34.html>